

V.

Сношенія патріарха Досиѣея съ русскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, Теодорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ. (1669—1690 г.г.).

Преемникъ Нектарія на іерусалимской кафедрѣ патріархъ Досифей (1669—1707 г.) принадлежалъ къ числу выдающихся восточныхъ іерарховъ XVII столѣтія. По своему характеру это былъ человекъ въ высшей степени живой, подвижной и впечатлительный, на все отзывчивый и необыкновенно дѣятельный, способный съ увлеченіемъ и всецѣло отдаться разъ излюбленному дѣлу, готовый всячески отстаивать, защищать то, что онъ считалъ правымъ или полезнымъ для православія. Досиѣей былъ прекраснымъ знатокомъ всего православнаго востока, съ жизнью котораго онъ былъ хорошо знакомъ не только изъ книгъ, собирать, читать и изучать которыя онъ любилъ, но и изъ своихъ непосредственныхъ наблюденій, такъ какъ еще въ качествѣ спутника своихъ предшественниковъ, патріарховъ Паисія и Нектарія, онъ посѣтилъ большую часть православныхъ странъ востока. Сдѣлавшись патріархомъ Досиѣей мало бывалъ въ Іерусалимѣ, а послѣдніе восемнадцать лѣтъ не былъ въ немъ даже ни разу; онъ постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, проживая то въ Константинополь, то въ Адрианополь, то въ Мол-

давіи и Валахія, то путешествуя, ради сбора милостыни, изъ одной страны въ другую, благодаря чему онъ прекрасно зналъ современное положеніе разныхъ православныхъ церквей, ихъ мѣстныхъ нужды и потребности, грозившія гдѣ либо православію бѣды и опасности. Въ то же время, среди своихъ современниковъ, Досиѣей былъ и выдающійся ученый, обладавшій основательными и обширными познаніями въ Св. Писаніи, въ церковной исторіи, въ области церковнаго права; онъ хорошо зналъ и изучилъ греческихъ церковныхъ писателей, сочиненія которыхъ, особенно полемическія, тщательно собиралъ, чтобы потомъ напечатать ихъ. Какъ ученый онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, которыя хотя не отличаются тщательностью обработки матеріала и научною самостоятельностью, не рѣдко страдаютъ растянутостію и уклоненіемъ въ сторону отъ разсматриваемаго предмета, но за то поражаютъ громадною начитанностью автора, разнообразіемъ и обширностію познаній, удивительнымъ ученымъ трудолюбіемъ и своею особою цѣлію. Ученыя работы, цѣлыя громадныя книги пишетъ Досиѣей не въ видахъ открыть отвлеченную научную истину, а съ исключительною цѣлію выяснить и доказать истину православія, неправоту и заблужденія его враговъ, т. е. онъ работаетъ исключительно съ практическою цѣлію—доставить торжество православію надъ всѣми его противниками, почему даже такое чисто историческое его сочиненіе, какъ „Исторія патріарховъ іерусалимскихъ“ носитъ повсюду довольно яркій полемическій характеръ. Какъ патріархъ, Досиѣей былъ весь преисполненъ самыми высокими представленіями объ обязанностяхъ и призваніи патріарховъ, въ особенности о призваніи и обязанностяхъ патріарховъ іерусалимскихъ. Они, какъ

лично и часто посѣщающіе, ради сбора милостыни, почти всѣ православныя страны, преимущественно предъ другими патріархами призваны быть стражами православія повсюду, неустанными борцами съ иновѣріемъ, учителями и наставниками всѣхъ православныхъ, ревностными охранителями во всемъ православномъ мірѣ древнихъ церковныхъ чиновъ и обычаевъ, которые въ іерусалимской церкви всегда сохраняются неизмѣнно и ненаруσιμο. И Досиѳей дѣйствительно всегда готовъ былъ словомъ и дѣломъ поддержать всюду бѣдствующихъ и угнетаемыхъ православныхъ братій своихъ, воодушевить ослабѣвающихъ изъ нихъ, такъ или иначе помочь борющимся съ иновѣрцами, всегда готовъ былъ преподавать всѣмъ нужное пастырское наставленіе и наученіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличить и вразумить заблуждающихся въ чемъ либо, или уклонившихся отъ церковныхъ правилъ и обычаевъ, малѣйшее отступленіе отъ которыхъ было всегда ему особенно ненавистно и всегда вызывало съ его стороны иногда суровыя и рѣзкія обличенія. Чуть не каждая православная помѣстная церковь испытала на себѣ заботы Досиѳея объ ея благосостояніи и процвѣтаніи, или объ огражденіи ея отъ иновѣрныхъ козней и притѣсненій. Такъ въ Трансильваніи Досиѳей хлопочетъ удержатъ румынъ отъ уніи и преподаетъ рядъ церковныхъ наставленій новопоставленному трансильванскому митрополиту Аѳанасію; заботится о церковномъ благоустройствѣ Грузіи, старается предостеречь ея отъ враговъ православія, возстановитъ иверскіе монастыри, пришедшіе въ запустѣніе; пишетъ особое посланіе къ членамъ южно-русской церкви, въ которомъ убѣждаетъ ихъ твердо держаться православія, бѣгать мірской суетной мудрости и еретиковъ, съ терпѣніемъ переносить го-

ненія и напасти и т. под. Но особенное вниманіе Досиѳея обращаетъ на Россію, которая занимала въ его представленіи исключительное положеніе и вызывала къ себѣ съ его стороны особыя отношенія. Это потому, что Россія была для него тою именно страной, на которой почтили самыя дорогія и завѣтныя его надежды на освобожденіе православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, на возстановленіе дорогаго ему царства благочестивыхъ греческихъ императоровъ, на торжество и побѣду православія надъ тѣснившимъ его и угнетавшимъ западнымъ иновѣріемъ. Только одна Россія, по мнѣнію Досиѳея, можетъ быть единственною освободительницею православныхъ народовъ отъ турецкаго ига, твердою опорой и вѣрною защитой всего вселенскаго православія, прочнымъ непреоборимымъ оплотомъ для него противъ всѣхъ покушеній иновѣрцевъ, только одинъ русскій царь есть истинный защитникъ и покровитель всѣхъ православныхъ, такъ какъ онъ есть прямой законный преемникъ и наслѣдникъ благочестивыхъ греческихъ императоровъ, преемникъ и продолжатель ихъ великаго и святаго призванія—служить опорой и защитой всему вселенскому православію. Въ силу такого взгляда Досиѳея на значеніе для всего православнаго міра Россіи и русскаго царя онъ постарался войти въ самыя близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ и принять въ русской жизни, не только церковной, но и государственной, самое живое и дѣятельное участіе. Эти близкія и постоянныя сношенія Досиѳея съ русскимъ правительствомъ, давшіе потомъ возможность Досиѳею высказывать свое мнѣніе и сужденіе не только по поводу тѣхъ или другихъ явленій въ русской церковной жизни, но и въ жизни общественной и государственной, воз-

никли конечно не вдругъ, а слагались постепенно и своего полнаго всесторонняго развитія достигли только въ царствованіе Великаго Петра, вѣрнымъ преданнымъ слугою котораго и почитателемъ былъ Досиѳей.

23 Января 1669 года Досиѳей вступилъ на патріаршій іерусалимскій престолъ и уже въ тотъ же день успѣшилъ увѣдомить объ этомъ московское правительство особою грамотою, которой сохранился только отрывокъ. Въ ней онъ пишетъ, что принялъ попеченіе о св. престолѣ іерусалимскомъ, обремененномъ многими долгами, которыхъ лежитъ на немъ до 109 тысячъ талеровъ, что онъ имѣетъ намѣреніе пространнѣе писать обо всемъ государю чрезъ нѣкоторое время. Дѣйствительно 23 Сентября того же 1669 года въ Москву прибылъ архимандритъ Досиѳея Прохоръ съ двумя патріаршими грамотами. Въ первой изъ нихъ, писанной въ Маѣ 1669 года, Досиѳей жалуется на громадныя долги, отъ которыхъ страдаетъ патріархія, на многія бѣды и напасти, которыя повседневно постигаютъ ихъ, и только „когда слышимъ о мирѣ вашемъ, котораго васъ сподобилъ Богъ, и какъ у васъ неподвижно доселѣ соблюдается Богомъ дарованная вѣра Христова, упокоеніе нѣкоторое пріемлетъ сердце наше и воздаемъ Богу благодареніе и съ вами получаемъ радость, какъ бы въ единомъ тѣлѣ“. Во второй грамотѣ отъ 1-го Ноября 1669 г. говоритъ, что онъ получилъ царское посланіе, написанное еще къ Нектарію, „и прочитали въ немъ о газскомъ митрополитѣ, чтобы мы его простили и что будто не имѣетъ вины на себѣ; а онъ, Лигаридъ, имѣетъ многія великія вины и согрѣшенія, которыя написавъ, послалъ было къ тебѣ великому государю свидѣтельства ради; только стыдъ недопустилъ насъ послать, отчего и возвратили. Только

единое говоримъ, что киръ Нектарій патріархъ нетаковскій, чтобы писать или говорить ложно, но такой онъ въ правилѣ, что нынѣ иной такой архіерей разумный и богобоязненный не будетъ. Но нынѣ державное ваше царствіе пишете, чтобы мы простили его, а онъ пишетъ къ нѣкоторымъ еретикамъ, каковъ и самъ есть, которыхъ мы и здѣсь не имѣемъ ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ... Лигаридовыхъ друзей, которымъ онъ пишетъ и которыми страшаетъ насъ, мы считаемъ ни во что. А что онъ пишетъ къ своимъ друзьямъ, изволь царствіе ваше принять одну его грамоту и прочесть, и выразишь какъ онъ патріарха своего хулитъ и бранитъ, и за то ему слѣдуетъ быть отлученнымъ отъ архіерейскаго достоинства ¹... Онъ пишетъ и бранитъ

¹ Это было письмо Лигарида къ логофету константинопольской церкви, въ которомъ Паисій писалъ: Еще прежде сего писали мы за великую дружбу къ твоей честности, объявляя тебѣ про страданіе и печаль и труды мои, и нынѣ также пишу тебѣ всѣ дѣла сперва съ краткословіемъ. Послѣ неправедныхъ и страшныхъ отлученій и проклятій господина Пареевнѣ (?), что на меня вложили неправедно, послѣдовало и господина Нектарія больша напраснословія, неправедный на меня судъ и оглашеніе и конечное отлученіе, будто емъ душегубитель, разбойникъ и беззаконникъ, и такъ, безъ всякаго распросу и безъ достойно вѣрныхъ свидѣтельствъ и безъ двенадцати архіереевъ, но все въ тайнѣ учинили—единъ Досиѳей, и тотъ мнѣ незнакомъ, который нынѣ наслѣдникъ учинился престола іерусалимскаго. И какъ мнѣ не возгласить о божественныхъ законовѣдѣніяхъ когда оставили церковь Божию вдовою, безъ пастыря, какъ горлицу пустынную, безъ покрова и безъ мужа, не обряцется жениху совокупиться; не будучи бо мужу во Іерусалимѣ, воцарилась Девора жена... Ни Бога ни бояся, ни людей срамясь, клеветуютъ на меня въ зависти своей, чтобы получили желаніе свое, дѣлами отрицаяся вышняго и божественнаго, котораго тонкими словами исповѣдуютъ и вѣруютъ страха ради человѣческаго. Буди достоинство ихъ, гдѣ суда не чаютъ, какъ мертводушные, а я возлюбилъ душевное безмолвіе и мірской мятежъ отринулъ... Ни единого благоденствія невидѣлъ я отъ нихъ, только навыворотъ, съ лукавымъ помышленіемъ писали было письма сперва на меня ремесла творя, слова сплетая, и тѣ ремесла были отъ многихъ лѣтъ. Нынѣ же явлено безстыдно пишутъ къ державному царю и треблаженнымъ патріархамъ такими словами оглашая, будто я измѣнникъ св. церкви, порочнаго житія дѣлатель, иноплемennyй епископъ, чужеславникъ. Если я чужеславень, пусть приведутъ свидѣтельство достовѣрное, ибо я трудо-

насъ и называетъ мертводушными и нечестивыми, и отца нашего Нектарія называетъ забвеннымъ и безумнымъ и многія иныя (писалъ) неподобныя словеса“, за которыя онъ долженъ бы былъ подвергнуться наказанію. Но такъ какъ за него ходатайствуетъ самъ царь, то Досиѳей прощаетъ его и разрѣшаетъ отъ наложенныхъ на него клятвъ и запрещеній. Въ виду того, что царь просилъ о разрѣшеніи Лигарида и константинопольскаго патріарха, Досиѳей очень рѣшительно заявляетъ по этому поводу свои воззрѣнія на отношенія константинопольскаго патріарха къ другимъ патріаршимъ престоломъ. „А вселенскій, пишетъ онъ государю, неимѣетъ никакого дѣла до іерусалимскаго престола и надъ архіереями учинить ничего не можетъ. Только отлученіе и гнѣвъ Божій для согрѣшенія нашего: былъ вселенскаго престола патріархъ Парѳеній, человекъ ненаказанный и неученый, неразумѣющій ни номоканона и соборныхъ правилъ, ни церковныхъ чиновъ; распространилъ онъ руку свою, гдѣ ему недано было, и престолы апостольскіе и патріаршіе—александрійскій и антїохійскій и смутилъ и помѣшалъ, и такъ себя превозносилъ, что хотѣлъ искусить и бывшаго патріарха іерусалимскаго блаженнѣйшаго Нектарія. Сего ради пришелъ на него гнѣвъ Божій и воздалъ ему по сердцу его и весь совѣтъ его исполнилъ. А газскій митрополитъ отъ вселенскаго патріарха не имѣетъ никакого докучанія, ибо вселенскій патріархъ по святымъ законамъ не имѣетъ власти въ іерусалимской области;

любивая пчела, а не трутень... Затѣмъ, оправдываясь отъ обвиненій въ латинствѣ и еретичествѣ указаніями на то, что онъ латинскимъ повелѣніямъ не повинуется и не мыслитъ по латински, «а только въ ученіи ихъ общникомъ былъ», Паисій проситъ логофета заступиться за него и ходатайствовать словомъ и дѣломъ предъ патріархами о его скорѣйшемъ прощеніи. (7178 г. № 27).

не только архіереевъ, но и діаконовъ не можетъ ни отлучить, ни простить; а что онъ, Парѳеній учинилъ газскому митрополиту, учинилъ, яко не наученый и не грамотный“ Въ той же граматѣ отъ 1-го Ноября Досиѳей молить государя о присылкѣ милостыни св. Гробу, безъ которой они могутъ окончательно погибнуть. „А я, богомолецъ твой, пишетъ Досиѳей, нынѣ пребываю здѣсь въ Филиппѣ-градѣ и въ иныхъ городахъ близко Дуная рѣки до свѣтлаго воскресенія, и потомъ помышляю ѣхать къ мултянскому и волошскому государямъ помощи ради малей. А нынѣ волошскій воевода Дука, добрый нашъ пріятель и святаго града пособникъ, монастырь строить св. Гробу и ожидаемъ архимандрита нашего Прохора съ твоею царскою неизреченною милостію, въ которой все упованіе и утѣшеніе наше и больше скажемъ: если ты великій государь помощи не учинишь намъ, пропали мы отъ лица земли и въ Іерусалимъ нельзя намъ будетъ ѣхать отъ многихъ долговъ, а прибѣжища и покрова индѣ неимѣемъ, кромѣ твоего пресвѣтлаго царствія. Отъ многаго долга хотятъ бусурманы великую церковь святаго града въ еретическія руки заложить, и боимся, чтобы не отошла отъ рукъ нашихъ. Сего ради припадаемъ до лица земнаго, просимъ и молимъ милосердія и благоутробія твоего державнаго, да пришлешь помощь къ св. Гробу Господню и неизреченную милость ради здравія своего и благородныхъ чадъ твоихъ, сестеръ и дочерей, и для блаженной памяти родителей своихъ, царицы Маріи Ильиничны и царевича Симеона. Буди, владыка тишайшій, милость твоя на насъ, якоже уповахомъ на тя, и какъ получимъ милость твою, надѣемся идти во святой градъ Іерусалимъ молить Господа о здравіи твоёмъ до конца жизни, и если облегчимся мало отъ тягости долга, по-

моцію Божію начнемъ строить монастырь св. Виоліемъ Великаго царя—есть гробъ и распятіе и рождество, строеніе перваго царя, что царствовалъ надъ первыми христіанами. Кому же иному подобаетъ пособить и порадѣть о Гробѣ Царя царствующихъ, кромѣ христіанскаго царя, каковъ есть святое твое царствіе, благодатію Божію перворожденный единородный всѣхъ православныхъ христіанъ, похвала и утѣшеніе, свѣтъ и отдоханіе, не только царь прекрасный, но и многими дѣлами украшенный паче діадимы, большую имѣю похвалу крестомъ, нежели скиптромъ, отецъ сиротамъ и предстатель повсюду божественнымъ церквамъ. И такъ призри тишайшій самодержецъ; если всякія церкви строить человѣкъ, то праведно есть, да строить тѣ мѣста, гдѣ ступала нога Христова, мѣсто украшенное кровію Христовою. И кто хочетъ помогать со стороны крайней нужды, то это намъ, поелику сперва отголѣ началось раззореніе христіанское и нечестивыхъ враговъ много, неусыпаемыхъ и гордыхъ и богатыхъ, а благочестивыхъ весьма немногихъ и тѣ безсильны... Подобно и праведно есть милосердствовать царствію твоему св. Гробу, потому что царь преславнѣйшій и именитый“.

Въ грамматѣ Досиѳея находится и еще одна любопытная его просьба къ царю, именно онъ пишетъ: „еще просимъ и молимъ тебя, великій государь, о богоненавистныхъ пошлинахъ, да велишь при своемъ блаженномъ времени съ бѣдныхъ грековъ ихъ не вѣдывать, и такія помощи въ казну свою не принимать, ибо, православный царь, сіе не есть ино, токмо навоженіе дьявольское, да искушаетъ многихъ бѣдныхъ, которые имѣютъ не великій отдыхъ и покой отъ твоей державной власти“. Выказавъ такой оригинальный взглядъ на государ-

ственные пошлины съ иностранныхъ товаровъ, Досиѳея далѣе объясняетъ причину, которая заставляетъ его хлопотать объ освобожденіи греческихъ товаровъ отъ пошлинъ. „Торговые люди (разумѣется православные греки), пишетъ онъ, что пріѣзжаютъ къ Москвѣ и по инымъ землямъ, все не своими деньгами торгуютъ, но есть въ Царьградѣ многіе благородные и честные люди, и что у нихъ имущества осталось, даютъ торговымъ людямъ, и сколько приторгуютъ даютъ съ той прибыли къ св. гробу со всякаго сорока соболей по левку. Если какой либо гречанинъ неистовъ и золь, то для одного да не накажутся всѣ, для чего Іуда одинъ согрѣшилъ, а не всему апостольскому лику поношеніе было. Въ такой бѣдности бѣдные греки, что имѣютъ отъ нечестивыхъ подати великія, только отъ твоего царствія имѣли покой. Преславное московское царство Богъ хранитъ своимъ покровомъ отъ всякаго врага, и впредь такое Богъ сохранить, только не вели злата со свинцомъ мѣшать, да не омрачится свѣтлость злата, — такъ молимъ рабски ради любви Христовой“.

На это обширное посланіе Досиѳея государь съ своей стороны отвѣчалъ двумя грамматами. Въ первой изъ нихъ, извѣщая патріарха о полученіи отъ него посланія и о пріемѣ присланнаго имъ архимандрита Прохора, пишетъ: „послали къ вашему святительству милостыни на искупленіе св. гроба съ присланнымъ твоимъ архимандритомъ Прохоромъ соболями на 800 руб., да по челобитью газскаго митрополита Паисія на 300 рублей“, и проситъ молить Бога о немъ, государѣ, и о всей царской семьѣ. Во второй грамматѣ государь выражаетъ свое сочувствіе бѣдствующей іерусалимской кааедрѣ, обремененной по различнымъ причинамъ столь великимъ долгомъ, и затѣмъ пишетъ: „и мы различными

нуждами одержимы и безчисленные оклады выдаемъ на бѣдныхъ людей нужды и на искупленія плѣнныхъ, чего ради въ настоящее время не возмогли щедрѣйшею рукою милостыни послать сколько желали въ Иерусалимъ, всѣхъ церквей матери. Нынѣ же посланное дарованіе благоговѣйнымъ и любезнымъ сердцемъ изволь принять, имѣя впродъ добрую надежду иное и большее воспріять, когда сбудутся наши желанія о газскомъ митрополитѣ, о коемъ молили уже чрезъ два писанія, да приметъ миръ архіерейской и на прежнее будетъ возвращенъ достоинство, и разрѣшеніе совершенное получить оный митрополитъ, добрѣ намъ заслуженный Паисій Лигаридій. Явно мы познали, что нѣкоторые злые люди сѣютъ куколь между тѣми весьма учеными архіереями, сирѣчь, между имъ, Нектаріемъ, и газскимъ Паисіемъ. Случилось отъ малой искры великому огню разгорѣться съ толикимъ безчестіемъ и соблазномъ архіерейскимъ и не единый обрѣлся мужъ разумный, дабы толикое пламя во время угодное угасить и утоленное истребить. Но поелику бывшее уже не бывшимъ быть не можетъ, временемъ понуждаемъ оставить вещи дѣлаться, какъ дѣлаются сами, и молчаніемъ покрыть всяческая размыслили... Въ теченіе столькихъ лѣтъ, которые въ нашемъ царствѣ пожилъ Паисій Лигаридій, съ назиданіемъ и пользою, ни одинаго не сотворилъ преступленія, достойнаго низложенія архіерейскаго. Очные свидѣтели преодолѣваютъ на судѣ, а не слышавшіе, отсюда и оттуда ловящіе словеса суетныя, — коихъ ради винъ мы его возлюбили. Наипаче же весь соборъ и синклитъ нашъ возлюбилъ его за ученіе, труды и вѣрность теплѣйшую и надѣялись мы, что твое святѣйшество пришлетъ, послѣ восемнадцатилѣтняго удержанія отъ священнодѣйствія, правильное разрѣшеніе чрезъ архимандрита Прохора

милостыни собирателя, ради прошенія нашего о Паисіѣ митрополитѣ писаннаго. Но прельстила насъ надежда, ибо не одинаго ни гласа, ни послушанія не услышали, и терпѣливо такое отреченіе понесли“. Теперь государь желаетъ, чтобы дѣло о Паисіѣ было кончено чрезъ архимандрита Прохора, съ которымъ онъ посылаетъ свои грамоты и милостыню, тѣмъ болѣе, что Паисій „былъ весьма достойный посредникъ и ходатай между столь великими архіереями восточными, двумя свѣтильниками и двумя маслинами всего востока“. Затѣмъ царь выражаетъ желаніе, „чтобы и бывший патріархъ Нектарій равно обвинительныя какъ и добротныя словеса написалъ къ намъ о митрополитѣ Паисіѣ, ради совершеннаго и послѣдняго удовлетворенія нашего, ибо свидѣтельствуемъ, что Лигаридъ всегда ублажалъ Нектарія и первое мѣсто премудрости между патріархами своего времени всегда держащимъ его исповѣдалъ — вотъ и смерть толчетъ въ двери и старость настоитъ обоимъ архіереямъ. Добрѣ вѣдаемъ мы, что духовныя сіи несогласія и взаимныя вязанія никогда доброй кончины неимѣли, какъ явно сіе въ исторіи Епифанія съ божественнымъ Златоустомъ“¹.

26 Февраля 1670 года получена была въ Москвѣ разрѣшительная грамота Лигариду, въ которой Досіею писалъ, что ради просьбы государя и ради любви царскаго величества имѣемъ его прощеннымъ и освобожденнымъ отъ всякаго проклятія и запрещенія по письму бывшаго господина іерусалимскаго Нектарія, и быть ему въ святительскомъ чинѣ, гдѣ хочетъ по прежнему, и молить бы, чтобы онъ былъ прощенъ отъ всѣхъ согрѣшеній отъ Бога. Но это разрѣшеніе Паисію дано

¹ 7177 г. № 27. 7178 г. № 6, 27. Записки рус. и слав. археол. рус. археол. общ. т. II, стр. 600.

Досиѣемъ однако очень неохотно, только ради настоятельныхъ просьбъ государя, какъ это хорошо видно изъ его письма Лигариду. „Еслибъ не было ходатайства святаго царева, пишетъ Досиѣей Паисію, увѣдалъ бы святительство твое, Лигаридій, что есть Девора и кто есть мертводушные? и кто только именемъ вѣруеть въ божественный промыслъ: тотъ-ли кто работаетъ для папезей хійскихъ и оставилъ 15 лѣтъ паству безъ пастыря, или кто полагаетъ душу свою за овцы? Да, увидѣлъ бы ты варвара и слѣпня. Однако на тебѣ кончаются Езоповы басни, гдѣ говорится, какъ козель бранилъ волка съ высокаго мѣста, ибо ты нестолько великъ, сколько глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь, есть дворъ царскій; однако уцѣломудрись хотя отнынѣ впредь“. Но этаго мало. Мы не знаемъ по какимъ причинамъ, но только не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Лигарида, какъ онъ снова былъ запрещенъ Досиѣемъ и царь снова хлопочеть о его разрѣшеніи при посредствѣ пріятеля Досиѣя, волошкаго воеводы Іоанна Дуки. „Понеже намъ, нашему царскому величеству, пишетъ царь воеводѣ, въ другорядъ къ святѣйшимъ патріархамъ притещи о прощеніи его, митрополитѣ, не къ чести показался“, то поэтому онъ и просить уже воеводу poradъть о дѣлѣ Лигарида предъ патріархами, и выражаетъ надежду получить отъ воеводы скорый и пріятный отвѣтъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Паисію. Но эти надежды царя неоправдались; Досиѣей уже несоглашался болѣе разрѣшать Паисія, который такъ и умеръ въ Кіевѣ (24 Августа 1678 г.) подъ запрещеніемъ ¹.

¹ Наша книга: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 199—206.

25 Февраля 1672 года въ Москву прибылъ сербъ Михаилъ Богдановъ, посланный Досиѣемъ къ государю съ письмами (которыхъ при дѣлѣ неимѣется), но чрезъ два мѣсяца, по повелѣнію государя, былъ сосланъ въ Сибирь за его „неистовство“, такъ какъ, ѣдучи къ Москвѣ, въ малороссійскихъ городахъ, во время шаткостей и измѣны гетмана Демьяна Игнатова, говорилъ непристойныя рѣчи. Объ этомъ дано было знать Досиѣю, который уже до самой смерти царя Алексѣя Михайловича не обращался болѣе ни съ какими грамотами и присылками въ Москву ¹.

Очевидно, что между московскимъ правительствомъ и патріархомъ Досиѣемъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не установились, да и не могли установиться сколько нибудь близкія, а тѣмъ болѣе сердечныя и постоянныя сношенія. Досиѣей былъ сторонникомъ Никона, желалъ его примиренія съ царемъ и возвращенія на патріаршую кафедру, и въ этомъ смыслѣ воздѣйствовалъ на Нектарія, который, по завѣренію самого Досиѣя, все веденіе дѣла о Никонѣ передалъ въ руки его, Досиѣя ². Слѣдовательно, уже по одному этому Досиѣей не могъ быть пріятнымъ лицомъ какъ для самаго государя, такъ и особенно для многочисленныхъ и вліятельныхъ тогда въ Москвѣ враговъ Никона. Но этимъ дѣло не ограничилось. Ставъ на сторону Никона, Досиѣей по этому самому необходимо долженъ былъ столкнуться съ Паисіемъ Лигаридомъ, къ которому однако, за его особня услуги, московское правительство питало особое расположеніе. Какъ чело-

¹ 1780 г., № 28. — ² Въ грамотѣ къ московскому патріарху Іоакиму Досиѣей въ 1686 г. писалъ: егда пріѣзжалъ іеродіаконъ Мелетій (по дѣлу Никона), работали мы тогда съ прилежаніемъ, понеже елико бысть тогда совершилася все рукаю нашею, зане блаженныя памяти бывшій патріархъ (т. е. Нектарій) боляшея востунити на сія. (Арх. Юго-Зап. Рос. V, 144).

вѣкъ прямой и правдивый, Досиѳей не щадилъ Лигарида, о которомъ былъ самаго дурнаго мнѣнія, и если потомъ, уступая настойчивымъ ходатайствамъ царя, и соглашался простить его, но соглашался очень неохотно, съ обидными для Лигарида и непріятными для царя оговорками. Вынужденное ходатайствомъ царя разрѣшеніе Паисію, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, Досиѳей беретъ назадъ, что заставляетъ государя искать вторичнаго разрѣшенія Лигарида уже чрезъ волошскаго воеводу, такъ какъ вторичное непосредственное обращеніе къ самому Досиѳею, при недостаточной увѣренности въ успѣхѣ ходатайства, государь считаетъ несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ. Дѣйствительно Досиѳей, не смотря на заманчивое обѣщаніе, за податливость въ дѣлѣ Лигарида, получить въ будущемъ богатую милостыню, не давалъ болѣе разрѣшенія Паисію, почему и дальнѣйшія его сношенія съ московскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ становились уже невозможными.

Съ воцареніемъ государя Феодора Алексѣевича, воспитаннаго подъ вліяніемъ лицъ антигреческаго направленія, грекамъ вообще воспрещенъ былъ даже въѣздъ въ Москву въ виду того, говоритъ царскій указъ, что ранѣе „пріѣзжали греческія власти изъ Палестинъ, а съ собою привозили многоцѣлебныя мощи и чудотворныя иконы“, а торговые греки привозили добрые товары, „а нынѣ, говоритъ указъ, духовнаго чина никто не пріѣзжаетъ“, а торговые греки стали привозить плохіе товары и при торговлѣ дозволять себѣ всевозможные обманы¹. А такъ какъ въ Москвѣ всегда жило много грековъ, то 10 Сентября 1676 года государь указалъ и бояре приговорили: „гречанъ всѣхъ,

¹ Ак. эксп. IV, № 214.

которые на Москвѣ, выслать въ свою землю и впредь имъ пріѣзжать и всякими товарами торговать въ Путивлѣ, во всемъ противъ того, какъ было со 155 (1647) года, а къ Москвѣ имъ ѣздить не велѣно“¹. Такъ рѣзко заявленная новымъ московскимъ правительствомъ нелюбовь его къ грекамъ вообще, необходимо отбивала всякую охоту и у Досиѳея входить въ какія либо сношенія съ такимъ грекофобскимъ правительствомъ. Но такой разрывъ вѣковыхъ сношеній Россіи съ православнымъ востокомъ былъ слишкомъ насильствененъ и произволенъ, былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудобенъ и даже прямо невыгоденъ для самой Россіи, и потому не могъ быть продолжителенъ. Неудобства прекращенія сношеній съ православнымъ востокомъ особенно были ощутительны въ церковной сферѣ, гдѣ въ это время возникли горячія пренія по разнымъ вопросамъ (наприм. по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ), для рѣшенія которыхъ нуженъ былъ авторитетъ восточныхъ патріарховъ, ранѣе всегда готовый къ услугамъ московскаго правительства. Затѣмъ, въ это время назрѣвалъ очень важный въ церковномъ и политическомъ отношеніи вопросъ о присоединеніи кievской митрополіи къ московскому патріархату, чего опять нельзя было сдѣлать безъ согласія константинопольскаго патріарха. Въ виду этого, московскій патріархъ Іоакимъ, 18 Марта 1678 года, обратился къ государю съ челобитьемъ, чтобъ государь „пожаловалъ его, велѣлъ греческихъ монастырей властей, которые по жалованнымъ предковъ его государскихъ... грамотамъ учнутъ пріѣзжать, также и грековъ всѣхъ, для единныя православныя христіанскіе вѣры, въ московское государство пропускать по прежнему, потому что власти

¹ 7185 г., № 2.

пріѣзживали въ московское государство со святынею, а греки привозятъ единовѣрныхъ православныхъ христіанъ, которые пребываютъ въ бусурманской неволѣ, полоненниковъ и всякіе узорочные товары“. По поводу этого челобитья патріарха государь указалъ: „греческіе палестины пестрымъ и чернымъ властемъ по жалованнымъ грамотамъ, въ указной годъ, съ причетники ихъ, пріѣзжать, а гречанъ съ окупными полоняники и съ товары пропускать противъ прежняго, а заповѣдныхъ товаровъ не провозить“¹. Такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству и настоянію патріарха Іоакима, снова возстановились сношенія Россіи съ православнымъ востокомъ, такъ неожиданно и насильственно было прерванныя, благодаря вліянію на молодого государя нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ, отличавшихся антигреческимъ направленіемъ и особою расположенностію къ латинскому западу.

Досиѳей воспользовался измѣнившимся отношеніемъ московскаго правительства къ грекамъ, чтобы вступить въ сношеніе съ царемъ и московскимъ патріархомъ. Въ Константинополѣ въ 1679 году находился царскій посоль Василій Даудовъ, для заключенія съ турками мира, о чемъ усиленно хлопотало тогда наше правительство, напуганное не особенно удачною для насъ войною съ турками изъ за Украйны. Съ Даудовымъ Досиѳей отправилъ свою грамоту къ государю, писанную отъ 27 Іюля 1679 года. Это было со стороны іерусалимскаго патріарха поученіе и наставленіе новому и молодому русскому государю, относительно его обязанностей какъ царя православнаго и благочестиваго, поученіе, написанное въ строгомъ библейско-византійскомъ духѣ. „Подобаетъ благочестію твоему, поучаетъ Досиѳей царя, воз-

¹ 7187 г., № 7.

дать благодареніе Богу, сподобившему тебя возсѣсть на отеческомъ престолѣ, соблюдая сперва: да останутся нерушимо всѣ дѣла церковныя и вѣры, не уклоняясь ни къ десной сторонѣ подъ предлогомъ большаго благочестія, ни къ шуіей, но царскимъ ходя путемъ, по слову апостола, и сохраняя крѣпко въ малыхъ и большихъ вещахъ велѣніе, еже положиша отцы твои. Просящихъ церковныхъ о составленіи церквей добромъ утѣши, а соблазняющихъ или церковныя вещи себѣ присвоющихъ, по мірски отомсти; и царь есть и болѣе архіерей... Да сохранишь себя неприкосновеннымъ отъ мірскихъ прохладеній, какъ многіе нынѣ въ міру начальствующіе творять, ибо думаютъ, что владѣемое ими дано имъ въ даръ... Читай святое писаніе часто, да просвѣщенъ будешь отъ свѣта правды и твори благо и благоугодно; бди и молись Богу, да дастъ тебѣ силу разсудить добро отъ зла и ложь отъ правды, ибо съ симъ разсужденіемъ творится всякое исправленіе. Если всякій человѣкъ, то наивысшее слово, царскій умъ, подобенъ есть Божію, и хочетъ самъ Богъ, да какъ Онъ заботится о самыхъ малыхъ вещахъ (какъ говорится въ Евангеліи, что власы главы сочтены отъ Бога), такъ и царь да печется и скорбитъ, и молится и бдитъ и спрашиваетъ, читаетъ и учится, да разумѣетъ добро всѣхъ начальниковъ своихъ и да будетъ во истину образъ Божій и жилище блаженное много хвалимой Троицы... Такъ, добропобѣдное мое чадо Теодоре, вѣруй, устрой паству твою достойно, не такъ, чтобы самому быть безопасну; но какъ солнце достигаетъ свѣтлостію своею во всю подсолнечную, такъ и ты самъ острымъ разумомъ и промысломъ пекись о молящихся и нуждныхъ и обидимыхъ, о чести и славѣ благихъ и конечномъ спасеніи всѣхъ правдивыхъ и неправдивыхъ, разумныхъ и неразумныхъ, ибо ты долженъ,

какъ Павелъ былъ долженъ іудеямъ и елинамъ, мудрымъ и неразумнымъ. Ибо что есть благочестивый царь какъ не апостоль Іисуса Христа, помазанникъ Божій, помазанный Духомъ Сына его, имѣющій въ себѣ царское священство, печалующійся о всѣхъ спасеніи, довольствѣ, умирени, о покоѣ душевномъ и тѣлесномъ по силѣ человѣческой“...

Съ тѣмъ же Василиемъ Даудовымъ писалъ Досиѳей (отъ 24 Іюля 1679 г.) особую граммату и московскому патріарху Іоакиму, съ намѣреніемъ вступить съ нимъ въ постоянную переписку, которую онъ считалъ очень полезною даже для самой вѣры, такъ какъ частая переписка даетъ возможно обмѣниваться переписывающимся взглядами по поводу разныхъ церковныхъ событій, только нужно писать другъ другу просто, безъ всякихъ пышныхъ условныхъ титуловъ, какъ и велась обыкновенно переписка между древними іерархами церкви, въ доказательство чего Досиѳей и приводитъ примѣры. Сообщивъ затѣмъ подробно о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Іерусалимѣ и выразивъ пожеланіе получить отъ Іоакима подобныя же обстоятельныя свѣдѣнія о дѣлахъ русской церкви, Досиѳей начинаетъ поучать и московскаго патріарха относительно исполненія имъ его патріаршихъ обязанностей, какъ онъ поучалъ и московскаго государя. „Не можемъ повѣдати, пишеть онъ Іоакиму, какъ желаемъ, молимъ же Господа нашего І. Христа, яко подастъ вамъ разумъ во всемъ и можете править стадо его въ преподобности и правдѣ, молимъ же и мы вашей любви, яко да посѣтите мирнаго состоянія святыхъ церкви, образы бывающе благихъ дѣлъ и созидуще всякаго словомъ Евангелія; и наипаче о томъ потщитесь, чтобъ не учинилось въ церкви какихъ новыхъ образцовъ, но и въ малѣйшихъ повелѣніяхъ и

чинахъ и обычаяхъ послѣдуйте слѣдами отцовъ вашихъ и внимайте съ великимъ прилежаніемъ, чтобъ никто изъ вѣрныхъ, такъ отъ великихъ, такъ и отъ малыхъ, чтобъ не чли и отнюдь бы не держали у себя такія книги, въ которыхъ содержится скверное и безбожное ученіе папныхъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе Лютеровъ и Кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства и въ притвореніи благочестія имѣютъ ученіе безбожства. И будите ревнители божественнаго Павла, бдите, трудитесь и посѣтите тѣмъ, что оный учитъ о епископахъ, яко да наставите увѣренное вамъ стадо въ путь спасенія, достойни будете вѣнца правды въ день Господень....“¹.

Такъ, послѣ длиннаго перерыва, Досиѳей снова сдѣлалъ съ своей стороны шагъ, чтобы вступить въ сношенія съ московскимъ правительствомъ, которое однако не спѣшило отозваться на учительныя грамоты Досиѳея и тѣмъ поощрить его къ дальнѣйшимъ сношеніямъ. Только чрезъ два года, именно въ Іюлѣ 1681 года, въ Турцію отправились наши послы Чириковъ (который дорогою умеръ) и Возницынъ, съ которыми государь послалъ свою грамоту Досиѳею, съ просьбою, чтобы Досиѳей молилъ Бога о царскомъ здоровьѣ и посылалъ ему только одинъ сорокъ соболей, т. е. милостыню очень скудную. Съ послами отправилъ свою грамоту къ Досиѳею и патріархъ Іоакимъ, котораго онъ въ 1679 году такъ энергично приглашалъ къ частой-запросто обсылкѣ грамотами. Іоакимъ въ объясненіе того, почему онъ такъ долго не отвѣчалъ Досиѳею и почему не считаетъ возможнымъ для себя

¹ Турецкіе статейные списки № 18, л. л. 222 — 225. Греч. дѣла 7186 г. № 3. Наша книга: Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ, приложение № 14.

вступить съ нимъ въ частую переписку, пишетъ, что получивъ грамоту Досиоея „и прочетше писанное, обрѣтохъ въ немъ глаголь твой возвѣстительный, яко нѣсть отъ насъ къ твоему блаженству писанія по частѣ, и о семъ да не имаше на ны никоего мнѣнія, ибо мы вамъ писати готовы есмы съ любовію, но сумнительны быхомъ ради владѣющихъ вашими странами, да не винукую дамъ писаньи нашими содержащимъ васъ, и сотворимъ какимъ либо случаемъ вашему жителству поврежденіе, тѣмъ же и не писахомъ доселѣ“. А такъ какъ государь теперь посылаетъ своего посла въ Константинополь (для окончательнаго заключенія мира съ турками), то Іоакимъ и проситъ Досиоея, „что ежели сей посоль востребуетъ отъ твоего святительства какого вспоможенія, о чемъ онъ отъ царскаго величества посланъ — слова потребнаго или добраго совѣта, благоволи ради любве Христовой, яко вѣдущій тамошнія обычаи, ему помощь въ томъ творити“. Затѣмъ пишетъ, что посылаетъ Досиоею два сорока соболей и только. А между тѣмъ посоль былъ отправленъ въ Константинополь не только дле заключенія мира съ турками, но вмѣстѣ и по специально церковному дѣлу ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ: проситъ ихъ прислать разрѣшеніе бывшему патріарху Никону. Вотъ что, между прочимъ, говорилось объ этомъ въ царской инструкціи посламъ: „а буде вселенскіе патріархи по нашимъ великаго государя грамотамъ учинить того (разрѣшить Никона) не похотятъ, и вы-бъ, наши великіе послы, домогались о томъ у нихъ всякими мѣрами чрезъ кого возможно, и сверхъ того нашего великаго государя жалованье, которое на милостыню съ вами къ нимъ послано, дали-бъ имъ, или съ кѣмъ послали нашего великаго государя жалованье особно отъ того изъ нашея

великаго государя казны, которая съ вами въ запасъ послана, или у грековъ занявъ — по двѣсти по пятидесяти рублевъ патріарху, только бъ конечно того домогаться, чтобъ они, вселенскіе патріархи, для нашего государскаго прошенія о томъ, по нашимъ великаго государя грамотамъ учинили и свои о томъ грамоты къ намъ великому государю съ вами, нашими великими послы, послали... И есть-ли крѣпко и упорно стануть и не похотятъ того учинить и, по самой конечной мѣрѣ, дать по пяти сотъ рублевъ патріарху; а буде и по тому предложенію вашему не учинятъ и, по самой нужѣ, дать по тысячѣ рублевъ человѣку, только бъ учинили и въ грамотахъ написали имянно“¹. Если Іоакимъ въ своей грамотѣ Досиоею вовсе умалчиваетъ о данномъ послу порученіи выхлопотать у восточныхъ патріарховъ разрѣшеніе Никону, то это его умолчаніе просто объясняется тѣмъ, что Іоакимъ сильно не сочувствовалъ разрѣшенію Никона, и потому вовсе устранился отъ всякаго участія въ этомъ неприятномъ для него дѣлѣ.

Посоль Возницынъ, прибывъ въ Константинополь, по дѣлу о разрѣшеніи Никона, рѣшилъ обратиться прежде всего къ іерусалимскому патріарху Досиоею, о которомъ извѣстно было, что онъ принадлежалъ къ числу сторонниковъ Никона и ранѣе не одобрялъ тѣхъ, которые добивались конечнаго осужденія и низверженія Никона, почему онъ могъ особенно сочувственно отнестись къ миссіи посла и оказать ему въ этомъ дѣлѣ нужное содѣйствіе. Расчеты посла вполне оправдались: Досиоей очень охотно взялся устроить все дѣло о разрѣшеніи Никона и прямо говорилъ послу, чтобы онъ „всѣ тѣ дѣла положилъ на него, патріарха“, „что онъ то дѣло къ совершенію приведетъ и братью свою—

¹ Тогдашній рубль равнялся нынѣшнимъ семнадцати.

антиохійскаго и александрійскаго патріарховъ о томъ чрезъ письмо свое будетъ просить“. Взятся Досиоей переговорить о дѣлѣ и съ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ написать и самыя образцы разрѣшительныхъ грамотъ. Такимъ образомъ все дѣло о разрѣшеніи патріарха Никона совершилось при посредствѣ Досиоея, который былъ главнымъ дѣятелемъ и устройтелемъ этого дѣла: онъ велъ предварительныя переговоры съ константинопольскимъ патріархомъ, списывался съ патріархами антиохійскимъ и александрійскимъ, онъ же писалъ и «образцовое письмо, каковымъ быть прощальнымъ грамотамъ», такъ что, свидѣтельствуешь Возницынъ, „только радѣніе въ томъ и служба къ великому государю святѣйшаго Досиоея іерусалимскаго патріарха“ помогли ему благополучно устроить все это дѣло, къ которому другіе восточныя патріархи отнеслись не особенно сочувственно, ибо, по замѣчанію Возницына, только „по многой доукѣ отдали тѣ прощальныя грамоты“ и притомъ только уже предъ самымъ отъѣздомъ посла.

Досиоей не только помогъ послу выхлопотать у восточныхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты Никону, но и оказался самымъ ревностнымъ помощникомъ и совѣтчикомъ нашего посла и въ дѣлахъ политическихъ, сообщая ему нужныя свѣдѣнія, давая ему полезныя совѣты и указанія, которымъ самъ Возницынъ придавалъ очень большую цѣну и значеніе. Вотъ что, на примѣръ, онъ пишетъ „къ отцу и благодѣтелю Ларивону Ивановичу“, т. е. къ думному дьяку Посольскаго приказа: „тебѣ, государю, извѣщаю, что іерусалимскій патріархъ непрестанно ко мнѣ присылаетъ и истинно службу свою великому государю во всемъ кажетъ, и противъ здѣшнихъ вопросовъ какъ отвѣтъ учинить, въ

чемъ мочно, я ево спрашиваюсь, и онъ мнѣ способы добрыя и здравыя дасть. И есть-ли, государь, кому велить Богу и дѣло великаго государя здѣсь дѣлать, должно ево во всемъ спрашиватись, понеже человекъ преразумный и Богу и великому государю нашему истинный слуга; а которые ему, великому государю, служатъ лестно, и отъ тѣхъ остерегаеть. Только я съ нимъ не видался, потому что мнѣ съ нимъ видиться и говорить нельзя, да и для того, что великаго государя грамотъ и жаловатя отдать не смѣю; а царегородской, государь, патріархъ, боясь подозрѣнія, ничѣмъ ко мнѣ до сего времени не отозвался“. Съ своей стороны и самъ Досиоей заявилъ послу, что онъ готовъ служить государю и на будущее время. Въ Статейномъ спискѣ Возницына записано: „Маія въ 13 день (1682 г.) были у дьяка у Прокофѣя (т. е. у него—Возницына) святѣйшія патріархи: александрійскій, да іерусалимскій, и ерусалимскій говорилъ ему, Прокофѣю, въ тайнѣ чтобъ онъ великому государю донесъ: есть-ли прилучиться о какихъ дѣлахъ великому государю писать, и великій бы государь указалъ къ нему писать безъ имени ево, и грамоты складывать малы и печать какою малою печатью, чтобъ того никто не зналъ, а онъ де потомужъ чинить станеть и о всякихъ дѣлахъ, о которыхъ потребно писать учнетъ. И дьякъ Прокофѣй Возницынъ говорилъ ему, что онъ о всемъ томъ извѣстно учинить, а онъ бы, святѣйшій патріархъ, по благочестію своему великому государю послужилъ и о дѣлахъ, которые потребны и належать вѣдать великому государю его царскому величеству, писалъ, а радѣніе его у великаго государю забвенно не будетъ“¹.

¹ 7189 г. № 9; Рукоп. сборн. Спб. синод. библ. № 473 л. 16—17; Турецкія статейныя списки № 20, лл. 385—386, 468 об., 574 и 720; № 21, л. 202; Турецкія дѣла 1681 г., св. 22, № 4.

Такимъ образомъ, посоль Возницынъ не только все веденіе дѣла о разрѣшеніи Никона отдалъ въ руки Досиѳея, но и при веденіи съ турецкою портою дѣлъ государственныхъ пользовался доставляемыми ему Досиѳеемъ свѣдѣніями, при отвѣтахъ на турецкіе запросы руководствовался его совѣтами и указаніями. И такъ какъ Досиѳей всегда давалъ послу совѣты „добрые и здравые“, и такъ какъ онъ вообще „человѣкъ преразумный и Богу и великому государю истинный слуга“, то Возницынъ и рекомендуетъ Посольскому приказу имѣть Досиѳея въ виду и на будущее время какъ надежнаго, преданнаго и полезнаго совѣтника и пособника во всемъ нашимъ посламъ въ Турціи. Такъ, благодаря своимъ сношеніямъ съ посломъ Возницынымъ и тѣмъ услугамъ, которыя онъ успѣлъ оказать ему, Досиѳей сдѣлался хорошо извѣстенъ московскому Посольскому приказу, гдѣ съ этого времени стали смотрѣть на него, какъ на человѣка всецѣло преданнаго интересамъ Россіи, готоваго на всякія услуги, на вѣрность и преданность котораго всегда можно положиться.

Съ посломъ Возницынымъ Досиѳей отправилъ къ государю грамоту, писанную въ Маѣ 1682 года, въ которой онъ заявляетъ: „о прощеніи киръ Никона мы, по нашей силѣ, радѣхомъ и грамоты всѣхъ изобразимъ... радѣли правды ради и познашася у Бога и человѣковъ православное и доброе ваше произволеніе“ (разрѣшить Никона). Затѣмъ Досиѳей дѣлаетъ такое обращеніе къ царю: „радуемся зѣло, яко ваше державство церковью дѣйствуетъ церковная, и молимся совершеннѣйшимъ духовнымъ дерзновеніемъ, яко и впредь всякое дѣло церковное недѣйствовать кромѣ мысли церкви: аще будетъ малое дѣло, дѣйствовать соборною мыслию тамошнія святія церкви, аще же великое,

мыслию великихъ архіереевъ восточныхъ дѣйствовать, во еже быти всѣмъ церковнымъ дѣламъ безъ обновленія, безъ претворенія и непоколебимо... Нигдѣ же во всемъ царствіи вашемъ да неволиши быти никакому обновленію противъ православной вѣры и напроотиво- глаголющихъ отомстися“. Досиѳей далѣе поясняетъ, почему ему потребовалось напомнить русскому царю о его первой и священнѣйшей обязанности—хранить непоколебимо православную вѣру и недопускать въ ней никакихъ перемѣнъ: „нѣкіе Русы изъ Литвы уніаты, дьявольскіе органы, преобразившия во ангела свѣта, проходятъ, яко православные, и лицемѣриемъ и сладкими своими словесами прельщаютъ сердца простыхъ, о нихъ же глаголаше блаженный Павелъ: имѣютъ образъ благочестія, а силы его отрицаются. О тѣхъ же просимъ, да укажете великимъ повелѣніемъ, да неводятъ въ предѣлы вашего святаго царствія; сіе дѣло, о немъ же молимся, святой царю! есть дѣло древнее и святымъ царемъ свойственное, еже дѣйствуя, царствіе ваше сочтенъ будещи отъ жениха церкви владыки Христа во апостольскомъ ликѣ“. Послѣ этого Досиѳей переходитъ къ своей службѣ послу Возницыну, о которомъ и дѣлаетъ свой отзывъ: „Великому послу вашего святаго царствія, пишеть онъ, въ чемъ поспѣшествовали, самъ да свидѣтельствуеть; но и онъ великій посоль, сирѣчь Прокопій, постоя, яко никто иной, поборя и подвизаяся, во еже приимати конецъ благополучный повелѣнія вашего, разумный и честный человѣкъ и по истинѣ почти службу себѣ врученную, и немоществовавшу ему, яко человѣку. Константинъ Христофоровъ переводчикъ, яко познавахомъ здѣ, рода честнаго и имѣеть жителство зѣло православное и добродѣтельное, сиче постоя во всякой службѣ святаго вашего самодержавства при-

лѣжно и вседушно“. Затѣмъ Досиѳеѣй касается въ своей граматѣ и еще одного очень важнаго предмета: устройства въ Москвѣ греческой школы. „Благодаримъ Господа Бога, пишетъ онъ, яко во дни святаго вашего царствія благоволи быти въ царствующемъ вашемъ градѣ еллинской школѣ: еллинскимъ языкомъ писано Евангеліе и Апостоль, еллини баше святіи отцы, еллински написашеся Дѣяніе святыхъ соборовъ и святыхъ отцевъ списаніе и всѣ святыя церкви книги. И сіе есть божественное дѣло, еже учити христіаномъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, яко же писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно, и наипаче: дабы отдалени были отъ латинскихъ, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожства. Благодаримъ убо Бога и о семъ и молимъ блаженную и святую душу вашу, во еже утвердити и умножити, да пребудеть вѣчная ваша и безсмертная память у Бога и у человекъ“.

Прислалъ Досиѳеѣй грамату и патриарху Іоакиму и опять въ учительномъ тонѣ, не смотря на тотъ видимо холодный пріемъ, какой встрѣтила у Іоакима его первая грамата (1679 г.). „Нынѣ молимъ тя, пишетъ Досиѳеѣй Іоакиму, потщися себя правити предъ Господемъ дѣлателя искусна, право правяще слово истины, и яко убо свѣтъ просвѣщай церковь со писаніемъ и схолами и ученіемъ Евангелія мира; яко соль, имѣй слово солию растворенно, къ тебѣ бывающимъ о согрѣшеніяхъ, буди векорѣ милостивъ, отъ бывающихъ же ко Богу согрѣшеніяхъ ко кающимся буди сострадательнъ; аще злость пребываетъ и наказуема наругается, буди страшенъ и любовинителенъ. Еще же и вѣра христіанская нынѣ пріяла всякое преданіе святыхъ отцевъ, и кто положитъ когда или выложитъ отъ обычай церковныхъ, иже со-

борная церковь держитъ, по первомъ и второмъ наказаніи да наказуется достойно ради безчинія его“. Послѣ этихъ общихъ наставленій Досиѳеѣй переходитъ къ спеціальнымъ наставленіямъ: о необходимости Іоакиму оберегать свою паству отъ вліянія на нее гибельнаго латинскаго ученія, находящагося въ латинскихъ книгахъ. „Храни, храни стадо Христово чисто, пишетъ онъ, отъ латинскаго письма и книгъ, яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосѣченія, полны хулы; въ нихъ бо есть безбожіе кальвиново и лютерово,—довлѣетъ благолѣпіе и красота святыя Христовы церкви; не мѣшайтесь соблудники, глаголаше апостоль, блудники же есть еретики и книги ихъ. Великій царь Константинъ и Θεодосій и Устиніанъ законоположиша Порфиріа и Манента книги да необрѣтаются, идѣже обрящутся, да сожгутся, и елицы ея хоронятъ, смертію да казнятся. Тако сотворите и вы о латинскихъ книгахъ, яко есть лестныя и прелестныя. Философскія наши книги научили насъ вначалѣ нечестію, Евангеліе же даде намъ спасеніе,—довлѣетъ сіе. Сице васъ нѣщцы оклеветуютъ яко неученыхъ, рцыте съ Павломъ: не срамляемъ Евангеліемъ Христовымъ, сила бо есть всякому вѣрующему во спасеніе, и паки: нѣсть сія мудрость сходящая отъ Бога, но земная, душевная и учительная, глаголетъ другій апостоль. И Павелъ паки: вѣра наша не въ премудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей, понеже да неиспразднится крестъ Христовъ. И аще кто ученія ищетъ еллинскому языку, учитесь, а не другому, яко же пространнѣе написахомъ іеромонаху Тимоѳею“ (начальнику типографскаго училища въ Москвѣ).¹

¹ 7191 г. № 2; Собр. госуд. грам. и дог. IV, 417—423; Снош. Дос. съ рус. прав. прил. № 15.

Приведенныя грамматы Досиѣея по своему характеру, тону и содержанію очень рѣзко отличаются отъ грамматъ его предшественниковъ—патріарховъ, и ясно говорятъ о тѣхъ особыхъ отношеніяхъ, въ какія желалъ войти Досиѣей съ московскимъ свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ. Въ нихъ мы не встрѣчаемъ обычныхъ вѣчныхъ жалобъ на притѣсненія и обиды отъ еретиковъ, на тяжелые налоги и неоплатные долги, на свою крайнюю бѣдность и скудость, въ нихъ нѣтъ обычныхъ просьбъ о помощи и милостынѣ. Досиѣей ни на что не жалуется, ничего не проситъ для себя и самый тонъ его грамматъ не искательно просительный, не смиренно-угодливый, имѣющій въ виду расположить къ болѣе щедрой подачкѣ, а авторитетно-назидательный тонъ учительнаго верховнаго архипастыря, имѣющаго въ виду только интересы вѣры, интересы вселенскаго православія—онъ только поучаетъ, совѣтуетъ, предостерегаетъ и царя и патріарха, вовсе не заботясь о томъ, понравится имъ это или нѣтъ. Самыя его поученія и назиданія не общія только мѣста, онѣ неотвлеченны и безпредметны, а имѣютъ ближайшее отношеніе къ совершавшемуся тогда въ русской жизни, съ чѣмъ, какъ видно, Досиѣей изъ своего далека былъ знакомъ однако хорошо, потому что все происходившее тогда на Руси онъ считалъ не чуждымъ и далекимъ, а близкимъ себѣ, къ чему онъ хотѣлъ стать въ опредѣленные отношенія. Если онъ поучаетъ царя твердо хранить завѣты отцовъ и все церковные обычаи, не допускать въ нихъ ни малѣйшихъ даже перемѣнъ и какихъ либо нововведеній, если онъ предостерегаетъ царя отъ юго-западныхъ русскихъ выходцевъ, по большей части воспитанниковъ латинскихъ школъ, и совѣтуетъ ему даже совсѣмъ запретить имъ вѣздъ въ мос-

ковское государство, если онъ похваляетъ царя за устройство въ Москвѣ именно греческой школы и энергично наставляетъ московскаго патріарха всеми мѣрами охранять свою паству отъ латинскихъ книгъ и всякаго иновѣрнаго западнаго вліянія; то все это было строго соображено съ происходившимъ тогда въ Москвѣ. Здѣсь шла въ то время ожесточенная борьба латинскаго и греческаго направленій, которая напряженно велась и по поводу церковныхъ вопросовъ (напримѣръ о времени пресуществленія св. даровъ), и по поводу устройства въ Москвѣ школы (вопросъ шелъ о томъ какой языкъ долженъ преобладать въ московской школѣ—греческій или латинскій, на который представители греческаго и латинскаго направленій отвѣчали различно), и по поводу нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ (напр. о пользованіи латинскою библіею). Досиѣей какъ видно, хорошо былъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ, и потому своими грамотами цюрю и патріарху онъ имѣлъ въ виду поддержать и подкрѣпить греческую въ Москвѣ партію, доставить ей перевѣсъ надъ латинствующими кіевлянами, ихъ учениками и послѣдователями въ Москвѣ. Это Досиѣей и выразилъ въ своихъ грамотахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сразу далъ понять въ Москвѣ, что онъ не намѣренъ и на будущее время быть безучастнымъ только зрителемъ къ происходящему въ Москвѣ, особенно въ церковной сферѣ, что онъ не простой только слуга русскаго правительства и покорный ревностный исполнитель всехъ его предначертаній и желаній, а одинъ изъ верховныхъ архипастырей вселенской церкви, къ голосу и мнѣніямъ котораго должно прислушиваться и московское правительство. Разъ поставивъ себя въ такое отношеніе къ московскому правительству и русской церковной жизни, Досиѣей твердо держался его и вовсе послѣдующее

время, не стѣсняясь при случаѣ высказывать по тому или другому поводу свое мнѣніе и сужденіе, хотя бы оно могло и очень не понравиться кому либо въ Москвѣ. Это вскорѣ показалъ онъ самымъ дѣломъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, вообще мало расположенный къ грекамъ, но послу котораго въ Турціи — Возницыну Досиѳею всетаки успѣлъ оказать очень важныя услуги, умеръ 27 Апрѣля 1682 года и власть въ Москвѣ перешла въ руки царевны Софіи, которая хотѣла явить себя православному востоку царицею, пекущеюся о поддержаніи и процвѣтаніи св. мѣстъ, столь дорогихъ для каждаго православнаго христіанина. Въ правленіе царевны Софіи Досиѳею явился такимъ же доброхотомъ и слугою Россіи, какимъ онъ уже заявилъ себя при Ѳеодорѣ, и московское правительство уже прямо обращалось къ нему за содѣйствіемъ въ нужныхъ случаяхъ.

Послѣ присоединенія къ Москвѣ Малороссіи неизбежно самъ собою возникъ вопросъ и о подчиненіи кіевской митрополіи, зависѣвшей отъ константинопольскаго патріарха, патріарху московскому, о чемъ думалъ уже Никонъ. Когда же между московскимъ правительствомъ и гетманомъ Самойловичемъ рѣшено было сдѣлать кіевскимъ митрополитомъ Гедеона Четвертинскаго съ тѣмъ, чтобы онъ поставленъ былъ московскимъ патріархомъ, тогда, въ Декабрѣ 1684 года, въ Константинополь отпращенъ былъ спеціальныи посолъ грекъ Захарій Ивановъ или Софиръ просить у патріарха отпустительную грамоту на кіевскую митрополію. Но патріархъ отказался совершить это дѣло безъ вѣдома и согласія визиря, къ которому де и должно прежде всего обратиться московское правительство¹. Но оно

¹ Турецкіе статейные списки № 25, лл. 329—336; № 26, лл. 36—39.

поступило иначе. Съ согласія гетмана Самойловича Гедеонъ Четвертинскій былъ поставленъ въ митрополиты въ Москвѣ патріархомъ Іоакимомъ, которому онъ далъ обѣщаніе во всемъ зависѣть отъ него, послѣ чего рѣшились обратиться къ константинопольскому патріарху, чтобы получить отъ него формальное утвержденіе уже совершившагося факта. Съ этою цѣлію въ Ноябрь 1685 года въ Константинополь былъ отпращенъ особый посолъ, дьякъ Никита Алексѣевъ, къ которому въ Малороссіи присоединился и особый посолъ отъ гетмана, Иванъ Лисица. Съ Алексѣевымъ посланы были дары константинопольскому патріарху и 200 золотыхъ Досиѳею, причемъ въ наказѣ Алексѣеву было написано, „чтобы домогались ему у іерусалимскаго патріарха, чтобъ онъ, для царскаго величества милости, съ константинопольскимъ патріархомъ совѣтовалъ, чтобъ царскаго величества по грамотѣ о кіевской митрополіи константинопольскій патріархъ къ великимъ государямъ отпустительную грамоту съ нимъ, Никитою, послалъ, и у той грамоты и евоу іерусалимскаго патріарха рука подписана была; и какъ потому совѣту іерусалимскаго патріарха константинопольскій патріархъ отпустительную грамоту дастъ, и Никитѣ іерусалимскому патріарху великихъ государей милостыню тѣхъ двѣсти червонныхъ золотыхъ отдать и къ великимъ государемъ взять листъ“. Исполняя данную ему инструкцію Никита Алексѣевъ, прибывъ въ Адрианоуполь, гдѣ тогда находился турецкій дворъ и Досиѳею, прежде всего обратился къ послѣднему и сталъ ему говорить, по наказу, объ отпускѣ кіевской митрополіи. Досиѳею отвѣчалъ, что объ этомъ дѣлѣ онъ уже знаетъ, такъ какъ константинопольскій патріархъ Іаковъ, ранѣе получившій объ этомъ грамоту государей чрезъ грека

Софира, не могъ ничего учинить безъ совѣта съ другими патріархами, „потому что, говорилъ Досиѳей, въ правилехъ св. отецъ написано, что архіерею изъ подъ своей епархіи въ иную паству благословенія и отпущенія иному никому не подавать, и въ томъ онъ, патріархъ Досиѳей, константинопольскому Іакову патріарху совѣтывать и наговаривать не будетъ“. Тогда Никита сталъ разъяснять Досиѳею, что поставленіе Гедеона кievскимъ митрополитомъ въ Москвѣ совершилось съ согласія гетмана, генеральной войсковой старшины и всего причта духовнаго, что это сдѣлано въ интересахъ православія, чтобы не допустить до управленія праздною кievскою митрополіею отступника и уніата епископа Шумлянскаго. На это Досиѳей отвѣчалъ: „какъ де то учинили великіе государи, такъ они и вѣдаютъ, а они де нынѣ благословенія своего не дадутъ для того: напредъ до сего бывало, что митрополиты кievскіе пріѣзживали для поставленія въ Царьградъ и принимали благословеніе отъ константинопольскаго патріарха, а и нынѣ изволили бѣ великіе государи писать къ нимъ о поставленіи кievскаго митрополита, и они бѣ благословеніе дали, что въ Кіевъ вольно обратъ и поставитъ святѣйшему московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ. А нынѣ де прислали просить благословенія, а ужъ и поставили, что есть церкви восточной раздѣленіе; — что де хотя ужъ поставили въ Кіевъ митрополита, то де дѣло доброе, только бѣ для благословенія они напредъ присылали, и нынѣ онъ совѣтывать съ константинопольскимъ патріархомъ не будетъ и такого отпустительнаго благословенія конечно не дадутъ“. Алексѣевъ снова принялся убѣждать Досиѳея въ пользу „святаго дѣла“ и между прочимъ привелъ и такой доводъ, что за это „ему свя-

тѣйшему патріарху, также и константинопольскому, прислано ихъ великихъ государей жалованье, а впредь ихъ царская милость отъ нихъ отъемлема не будетъ“. Но и этотъ вѣскій аргументъ не подѣйствовалъ. Досиѳей говорилъ, „что онъ въ то дѣло конечно вступаться не будетъ и какъ де о томъ хочетъ константинопольскій патріархъ; а ему бѣ хотя бѣ была дана и великая казна, то бѣ онъ такова дѣла не учинилъ, а и константинопольскому патріарху тово дѣла чинить, созвавъ митрополитовъ, безъ визирскаго указа невозможно“. Не достигнувъ своей цѣли у Досиѳея, Алексѣевъ принужденъ былъ обратиться съ своимъ дѣломъ къ визирю, который, ради своихъ цѣлей, охотно согласился оказать требуемую услугу московскому правительству, именно онъ сказалъ Алексѣеву: „призоветъ де онъ патріарха (константинопольскаго) къ себѣ и прикажетъ ему: что царскому величеству надобно, то бы онъ учинилъ по волѣ ихъ царскаго величества и о всемъ писалъ“. Заручившись согласіемъ визиря Алексѣевъ снова отправился къ Досиѳею и, сообщивъ ему отвѣтъ визиря, опять просилъ его ходатайствовать предъ константинопольскимъ патріархомъ объ отпускѣ кievской митрополіи. На этотъ разъ Досиѳей повелъ уже другія рѣчи. „Въ правилехъ я пріискалъ, говорилъ онъ, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи и подать благословеніе иному архіерею, и о томъ онъ будетъ патріарха Діонисія (константинопольскаго) наговаривать, чтобы онъ учинилъ по воли царскаго величества и самъ онъ, Досиѳей, къ царскому величеству и къ святѣйшему патріарху московскому писать будетъ особо и благословеніе отъ себя подастъ, а не вмѣстѣ съ Діонисіемъ“. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого (13 Апрѣля 1686 г.) Досиѳей призвалъ къ себѣ Никиту

Алексѣева и гетманскаго посла и заявилъ имъ, что завтра онъ ѣдетъ въ мутьянскую землю и посылаетъ отъ себя великимъ государямъ, патриарху Іоакиму и кievскому митрополиту грамоты, „и Діонисій де патриархъ, говорилъ Досиѣей, по его совѣту хотѣлъ все учинить по воли великихъ государей, ихъ царскаго величества“. Въ тотъ же день Досиѣей прислалъ послу свои грамоты, а тотъ послалъ ему царское жалованье— двѣсти золотыхъ. Вскорѣ и константинопольскій патриархъ прислалъ свою отпустительную грамоту на кievскую митрополию, за что и получилъ теперь царское жалованье — тоже двѣсти золотыхъ, хотя уже и ранѣе Алексѣевъ тайно послалъ ему три сорока соболей¹.

Такимъ образомъ Досиѣей принималъ живое и дѣятельное участіе въ отпускѣ кievской митрополіи вслѣдствіе особаго обращеннаго къ нему по этому случаю приглашенія московскаго правительства. Послѣднее очевидно видѣло въ Досиѣѣ не только человѣка преданнаго Россіи, всегда готоваго дѣйствовать въ русскихъ интересахъ, но и человѣка очень вліятельнаго на православномъ востокѣ, отъ котораго во многомъ зависитъ такой или иной исходъ возбужденнаго дѣла о подчиненіи кievской митрополіи московскому патриарху. Конечно поэтому наше правительство желало, чтобы подъ отпустительною грамотою на кievскую митрополию, на ряду съ подписью константинопольскаго патриарха, была и подпись Досиѣя, какъ лица особенно авторитетнаго и уважаемаго на всемъ православномъ востокѣ. Но Досиѣей, какъ мы видѣли, очень неохотно соглашался на подчиненіи кievской митрополіи москов-

¹ Турецкіе статейные списки № 26, л.л. 43, 53—61, 78—79, 87—90, 94 об.—98.

скому патриарху и наконецъ, съ трудомъ согласившись, послалъ отъ себя особыя грамоты и царямъ и патриарху Іоакиму, въ которыхъ откровенно и прямо высказалъ свой истинный взглядъ на это дѣло.

Въ грамотѣ государямъ Досиѣей одобряетъ самый фактъ поставленія московскимъ патриархомъ кievскаго митрополита, но рѣшительно не одобряетъ и не похваляетъ того обстоятельства, что московскій патриархъ, посвятивъ кievскаго митрополита, въ то же время подчиняетъ его со всею митрополіею своей власти, включаетъ кievскую митрополию въ свой патриархатъ. „Во первыхъ, пишетъ Досиѣей, слѣдуетъ довольствоваться своимъ, а не на всякій день новое изыскивать, какъ сіе обычно и въ иныхъ искательствахъ, за коими слѣдуетъ мало по малу киченіе и пренебреженіе братіи, какъ и папамъ сіе приключилось по гордости. Когда же отложены бывають отеческія правила, появляются новыя, въ коихъ есть и суетное, посему и говоритъ писаніе: непреложипи предѣлы вѣчные, яже положиша отцы твои. Во вторыхъ, до такой степени мнится порочнымъ въ церкви желаніе чужихъ епархій и для первыхъ іереевъ, что и антиохійскій патриархъ отъ вселенскаго третьяго собора, когда хотѣлъ хиротонисать кипрскаго архіепископа, весьма укоренъ былъ и осудилъ его самолюбіе ликъ оный святыхъ отцевъ“. Но мало того, что подчиненіе кievской митрополіи московскому патриарху не согласно, по мнѣнію Досиѣя, съ церковными правилами, самый способъ, какъ оно было достигнуто, казался Досиѣю неправильнымъ, предосудительнымъ и даже опаснымъ. Русское правительство, заявляетъ Досиѣей, должно было не просить патриарховъ объ отпускѣ кievской митрополіи, а требовать этого отъ нихъ, „если сіе не противно зако-

намъ и если отъ сего не послѣдуетъ что либо противное или непристойное“. Но особенно огорчаетъ Досиѳея тотъ пріемъ, съ помощію котораго московскій посоль старался получить отпустительную грамоту отъ константинопольскаго патріарха. Отпуска кievской митрополіи слѣдовало, говоритъ Досиѳей, „не просить чрезъ деньги, но просто ради вѣры и пользы вѣрныхъ, не такъ какъ нынѣ, когда честнѣйшій вашъ посланникъ извѣщалъ намъ: что если дадимъ грамоту, дастъ и милостыню; а если не дадимъ,—не дастъ.... И подобаетъ ли, съ горечью пишетъ Досиѳей, сей апостольской церкви великія Москвы просить у матери своей, восточной церкви, духовныхъ дарованій за деньги? Неужели грамота она, которую пріемлетъ честность его отъ константинопольскаго и такого рода прошенія, ради денегъ, праведна? И достоинство имѣетъ ли такая грамота?“¹ Затѣмъ Досиѳей указываетъ на ту опасность, какая угрожаетъ православію отъ подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху, именно: нѣкоторые православные въ Польшѣ и на Украинѣ могутъ сдѣлаться непослушны кievскому митрополиту, какъ не хиротонисанному константинопольскимъ патріархомъ, отчего послѣдуетъ схизма и словопреніе и даже еще худшее; недовольные могутъ обратиться къ константинопольскому патріарху съ требованіемъ поставить имъ отдѣльнаго митрополита, и патріархъ „ради малыхъ де-

¹ Самъ Досиѳей принялъ однако царскую милостыню, которая ему была назначена именно за хлопоты по дѣлу кievской митрополіи. По этому поводу Досиѳей пишетъ князю Василю Голицыну, что посоль Алексѣевъ далъ ему «двѣсти червонныхъ золотыхъ, милость святыхъ и державныхъ царей Св. Гробу, которое мы въ такомъ времени и въ такомъ дѣлѣ не хотѣли мы взять—ниже много ниже мало, наипаче же, что мы имѣемъ иную надежду къ святѣйшему дому самодержавнѣйшихъ царей; токмо помышляя, да непоказуемся тяжки и да не подадимъ нѣкій знакъ лакомства въ насъ, воспріяли есмь и послали въ святой градъ Іерусалимъ». (Греч. дѣла 7195 г. № 3).

негъ“ рѣшится поставить имъ митрополита, отчего послѣдуетъ „соблазнъ и развратъ“. Заканчивая свои доводы въ пользу той мысли, что кievская митрополія не должна бы быть епархіей московскаго патріарха, Досиѳей говоритъ въ заключеніе: „сихъ ради и таковыхъ причинъ не похваляемъ мы начинаніе брата нашего (т. е. п. Іоакима), однако похвалили желаніе державнѣйшаго и святаго вашего царствія только посѣщенія ради, но паки говоримъ по божественному апостолу: аще нещеваніемъ ими истинно Христосъ возвѣщается. И такъ, хотя бы ради самолюбія церковниковъ, или ради иной вины, быть можетъ и благословной, такъ случилось, радуемся, что Кіевъ имѣетъ митрополита и хиротонію его пріемлемъ и, прочая оставляя, молимся Владыкѣ Христу, да дастъ ему силу править благо и благоугодно“.

Изъ заключительныхъ словъ грамоты Досиѳея къ царямъ видно, что виною подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху онъ считалъ „самолюбіе церковниковъ“, другими словами, самолюбіе патріарха Іоакима, который устроилъ все это, по мнѣнію Досиѳея, очень прискорбное дѣло. Этотъ свой взглядъ онъ прямо и высказалъ въ особой грамотѣ къ патріарху Іоакиму, писанною въ Апрѣлѣ 1686 года. „Нѣкій верхъ злыхъ пишетъ Досиѳей, насъ сокрушаетъ и насъ сушатъ церковныя смущенія и бури, самолюбное же и зарватное, и не сытость славы, и желаніе чуждыхъ, которое зло не токмо нынѣ здѣ преизлишествуетъ, но достигнуло даже и до васъ... Что вина да оттерзаете чуждую епархію? не есть-ли стыдъ отъ людей, не есть-ли грѣхъ отъ Бога! Да присылаете деньги и изъ ума людей выводите, берете грамоты сопротивны церкви и Богу. Сказывалъ намъ посланникъ вашъ; яко письма отъ васъ

не привезъ, токмо приказали ему дати намъ милостыню, аще ему дадимъ письмо, яко же хошетъ; и аще не дадимъ ему, и онъ намъ да не дастъ. И аще бы нѣчто нужно быти сему, еже просите, мы и Иерусалимъ бы сотворили епископіею, и ноги бы ваша мыли, яко же Христосъ сотворилъ ко устроению церкви. Но кромѣ нужды для чего да движутся предѣлы отеческія? И кто можетъ сія да простить. Близъ насъ стоялъ посланникъ вашъ; и приходилъ къ нему нѣкоторый архимандритъ святогорскій отъ страны Діонисія патріарха, и просилъ денегъ отъ посланника и послѣ да дастъ ему грамоты. И посланникъ отвѣщалъ, яко прежде да дастъ ему грамоты, и потомъ да возметъ деньги отъ него. И баше удобнѣе, да поставите митрополита безъ благословенія, неже присылаете деньги и просите прощенія, яко есть явная симонія; и ниже прощеніе есть прощеніе, ниже грамоты суть грамоты, аще ищете по Богѣ, понеже единъ не прощаеть, наипаче же и съ деньгами, токмо вси; но и вси паки не просто прощають, но егда суть нужда. Но здѣ нужды нѣсть, явно есть лихоиманіе и во уничиженіе восточныя церкви. Довольно бы было братской твоей любви, да еси намѣстникъ константинопольскаго патріарха, да испытываеши того кievскаго митрополита, и да повелѣваеши ему, и да судиши его, и предразсуждаеши, яко присный домостроитель; и была бы честь ваша, и преданія церковныя невредимы бы были, и христіане бы были тоя митрополіи мирны. И тако совѣтуемъ, и сіе есть праведное и непорочное въ церкви Христовѣ и въ день Господень, и да негнѣвается и Богъ въ такихъ вещахъ. И аще хошете имѣти хотѣніе свое, вѣдайте, яко церковная воля не есть, яко же и мы нехошемъ, да не причастимся сему грѣху; такожь нехошемъ ниже васъ, да будете подлежими въ

семъ грѣхѣ... Братская твоя любовь! аще есть сіе дѣло отъ тебя—хошеши да тебѣ имя останется послѣ на Москвѣ, како сотворилъ еси такое дѣло? Но праведно и благословно есть въ семъ настоящемъ вѣцѣ въ церкви и въ будущемъ на судище Божіи да имѣли бы вы имя: како храните церковныя предѣлы и како послѣдуете церковнымъ законамъ, како не уничтожаете тѣхъ отъ нихъ же имѣете тое иже есте“.

Такъ прямо и рѣзко высказывалъ Досиѳей свое полное неудовольствіе и неодобреніе дѣлу подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху, скорбѣлъ и негодовалъ по поводу самаго характера веденія этого дѣла. Конечно имъ руководила въ этомъ случаѣ ревность о сохраненіи церковныхъ установленій и обычаевъ, нарушенныхъ, по его мнѣнію, фактомъ подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху, конечно въ немъ говорила и гордость греческаго іерарха, оскорбленная слишкомъ открытымъ торгашескимъ приѣмомъ московскаго посла. Но, съ другой стороны, у него могли быть и инныя побужденія дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Онъ, въ данномъ случаѣ, могъ имѣть въ виду тѣ возможныя отношенія, какія въ недалекомъ, по его мнѣнію, будущемъ могутъ открыться между все болѣе усиливающею Россіею и между все болѣе слабѣющею и видимо начинающею разлагаться Турціею. Досиѳей искренно и горячо сочувствовалъ развитію политическаго могущества Россіи, желалъ, чтобы она расширялась особенно на счетъ Турціи, въ чемъ онъ видѣлъ залогъ будущей свободы грековъ; онъ желалъ, вмѣстѣ съ другими греками, чтобы русскій царь сдѣлался преемникомъ византійскихъ императоровъ, изгнавъ предварительно турокъ изъ Константинополя. Но въ то же время Досиѳей вовсе не желалъ того, чтобы вмѣстѣ съ развитіемъ по-

литического могущества Россіи, все шире и шире развивалась и сфера ея церковнаго вліянія и власти въ предѣлахъ Турціи. Если Москва, подчиняя себѣ разные православные народы политически, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ подчинять ихъ себѣ и церковно, какъ это уже случилось съ Малороссіей, то въ концѣ концовъ окажется, что московскій патріархъ подчинитъ своей церковной власти большинство православнаго міра. Досиѣею хорошо было извѣстно, что Россіи не прочь подчиниться Грузія, что къ этому стремятся Молдавія и Валахія: что же однако будетъ, если Россія, подчинивъ себѣ эти земли политически, чего желалъ и самъ Досиѣей, въ тоже время подчинитъ ихъ себѣ и въ церковномъ отношеніи? Не усилятся-ли тогда безмѣрно власть и значеніе московскаго патріарха въ ущербъ его собратьямъ — восточнымъ патріархамъ, и не падетъ-ли тогда значеніе послѣднихъ въ цѣломъ православномъ мірѣ? Эти опасенія и были причиною того, что Досиѣей противился, рѣшительно неодобрялъ подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху, почему онъ усиленно старался доказывать и царямъ и патріарху Іоакиму, что имъ никакъ не слѣдовало подчинять кievскую митрополію московскому патріарху, такъ какъ подобное дѣяніе — желаніе чужихъ епархій, и незаконно и опасно для всего православія.

Протестъ Досиѣея относительно подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху имѣлъ, впрочемъ, чисто академическій характеръ, такъ какъ практически онъ вполнѣ призналъ совершившійся фактъ и всѣ вытекающія отсюда послѣдствія. Онъ самъ послалъ свою грамоту къ епископамъ и ко всѣмъ благочестивымъ, живущимъ въ Литвѣ и Польшѣ, въ которой, вопреки дѣйствительному ходу событій, увѣрялъ, что Геденъ

поставленъ въ кievскіе митрополиты московскимъ патріархомъ „по воли и мысли блаженнѣйшихъ и святѣйшихъ патріарховъ, си есть: вселенскаго и прочихъ трехъ востока великихъ архіереевъ“, и потому молитъ всѣхъ подчиняться во всемъ Гедену, какъ истинному и законному митрополиту кievскому. Мало того: въ той же самой грамотѣ къ царямъ, въ которой Досиѣей доказываетъ незаконность подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху, онъ уже слѣшитъ, признавая неизбежность и безповоротность совершившагося, преподать московскому правительству рядъ наставленій, какъ ему слѣдуетъ держать себя относительно кievской митрополіи. Эти наставленія очень характерны и лучше всего доказываютъ, что кievская митрополія, въ интересахъ церкви и православія, должна была быть подчинена именно московскому патріарху. Досиѣей заявляетъ *во первыхъ*, чтобы кievскій митрополитъ избиралъ и поставлялъ во епископы подчиненныхъ ему кафедръ обязательно только съ согласія и одобренія московскаго патріарха и собора при немъ. *Во вторыхъ*, „въ нынѣшней, по той сторонѣ Днѣпра, называемой казацкой землею, суть нѣкіе въ Римѣ и въ Польшѣ отъ латинъ наученные архимандриты и игумены монастырей, не по чину совершаютъ послѣдованіе церковныхъ службъ и носятъ іезуитское ожерелье“. Митрополитъ кievскій долженъ позаботиться, чтобы во всѣхъ монастыряхъ служба была одинаковая, поелику не раздѣлился Христосъ, и чтобы отложены были ожерелья, какъ знаменіе иномудрствующихъ. *Въ третьихъ*, да будетъ издано царское повелѣніе, чтобы по смерти предреченныхъ архимандритовъ и игуменовъ впредь священника, который пойдетъ въ папешскія мѣста учиться, архимандритомъ, игуменомъ и епископомъ не поставлять, а если будетъ

мірянинъ, не дѣлать его іереемъ, ибо довлѣетъ православная вѣра ко спасенію и не подобаетъ вѣрнымъ прельщаться чрезъ философію и суетную прелесть. „Великій князь Александръ (Невскій) не былъ философъ, но отвѣтъ, который онъ далъ посламъ панинымъ, равняется символу вѣры“. Посовѣтовавъ затѣмъ правительству открыть школу въ Кіевѣ, чтобы православнымъ не было нужды обращаться за наученіемъ въ латинскія школы, Досиѳей пишетъ далѣе: „о, еслибы, благочестивѣйшіе, и тамъ въ Москвѣ сохраненъ былъ древній уставъ: да небывають (на Москвѣ) игумены и архимандриты отъ рода казацкаго, но москали и на Москвѣ и въ казацкой землѣ, а казаки только въ казацкой землѣ, ибо не подобаетъ запрягать вкупѣ коня и осла, ниже ткать вкупѣ руно и ленъ, глаголетъ Писаніе. Далеко да будутъ казаки священники отъ игуменства московскаго и отъ инаго достоинства. Хотя и исповѣдуемъ казаковъ быть православными, однако многіе изъ нихъ имѣютъ нравы растлѣнные, и нравы сіи неподобаетъ отъ нихъ перенимать тамошнимъ (т. е. московскимъ) православнымъ“. *Въ четвертыхъ*, правила запрещаютъ хиротонисать архіерею на одной литургіи многихъ священниковъ и діаконовъ, почему кіевскій митрополитъ „епископамъ изъ казаковъ, сіе творившимъ безотмѣнно въ казацкой землѣ, да повелѣваетъ никакъ сего впредь не творить, ибо по невѣденію такъ поступали, какъ мнится; если же и впредь сіе творить будутъ, неотложно да извержетъ ихъ. Обрѣтаются тамъ и архіереи изъ грековъ, которые также хиротонисали многихъ іереевъ и діаконовъ на одной литургіи; поелику же они вѣдѣніемъ и ради денегъ согрѣшили и злой показали примѣръ, то таковыхъ неотложно низвергнуть и никакого прощенія не удостоивать, и нѣкоего изгнан-

наго архіепископа ахридонскаго, притомъ же и бѣглеца, украшающаго себя именемъ патріарха, какъ лицемѣра оплевать и эпитиміи подвергнуть“. *Въ пятыхъ*, кіевскому митрополиту подобаетъ правильно и по правиламъ „судить сущихъ казаковъ, сущихъ въ послушаніи державнѣйшаго и святаго вашего царствія; къ православнымъ же, находящимся въ Польшѣ, да снисходите нѣсколько, доколѣ привлечете ихъ въ мрежи вѣдѣнія“, какъ въ подобныхъ случаяхъ и поступали многіе великіе и святые мужи. *Въ шестыхъ*, кіевскій митрополитъ да созываетъ ежегодно у себя соборъ изъ епископовъ и архимандритовъ и обсуждаетъ на немъ все, что требуетъ церковнаго исправленія, причемъ о трудномъ пусть всегда доносить въ Москву патріарху и собору при немъ. „Такъ же и на Москвѣ, добавляетъ къ этому Досиѳей, священный соборъ, если что ему покажется сомнительнымъ, дабы и тамошняя церковь соборная сохранилась чистою и безъ всякихъ погрѣшностей, какъ непорочная Христова невѣста, долженъ доносить высшимъ церквамъ и сущимъ въ нихъ патріархамъ, и отъ нихъ принимать наставленіе и толкованіе, чтобы тамъ сохранялся союзъ любви и соединеніе духа мира и достоинство апостольской каѳолической вѣры неумаленнымъ, но обновленнымъ и непоколебимымъ“. *Въ седьмыхъ*, если кіевскій митрополитъ или въ вѣрѣ православной или въ законахъ и вообще будетъ дѣйствовать вопреки разуму и мысли восточной церкви, то да будетъ подлежать суду, осужденію и запрещенію московскаго патріарха и сущаго при немъ священнаго собора. Пусть онъ поставляется отъ московскаго патріарха, но съ тѣмъ, чтобы объ этомъ, прежде-ли или послѣ поставленія, давалось знанъ константинопольскому патріарху, и чтобы на службахъ воспоминалось имя константинопольскаго

патріарха и кievская митрополія считалась его областію, а московскій патріархъ намѣстникомъ константинопольскаго¹. Сіе просимъ и совѣтуемъ, да не пренебрегаются безъ всякой нужды уставы св. отецъ и не прогнѣвается Богъ¹.

Очевидно Досиѳею хорошо были извѣстны многіе беспорядки и нестроенія, которые царили въ кievской церковной іерархіи, въ церковной практикѣ и жизни, вслѣдствіе полного отсутствія всякаго надзора со стороны константинопольскаго патріарха, власть котораго въ кievской митрополіи уже давно сдѣлалась чисто номинальною. Чтобы привести жизнь кievской митрополіи въ надлежащій порядокъ, необходимо былъ надъ нею постоянный и бдительный надзоръ высшей церковной власти, стоящей съ нею въ постоянныхъ, близкихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ. Такою самою ближайшею и естественною властію и былъ именно московскій патріархъ. Слѣдовательно подчиненіе ему кievской митрополіи, не только не имѣло въ себѣ ничего незаконнаго или вреднаго для церкви, а совершенно наоборотъ: вызывалось и настоятельно требовалось интересами самой церкви и всего православія.

Участіемъ Досиѳея въ дѣлѣ подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху и закончились всѣ его сношенія съ московскимъ правительствомъ во время правленія царевны Софіи, такъ какъ затѣмъ начались извѣстные крымскіе походы, во время которыхъ сами собою прекратились у насъ всякія сношенія съ Турціей, которые бы дали возможность Досиѳею или оказать

¹ Грамата государей къ константинопольскому патріарху о кievской митрополіи, отпустительная грамата константинопольскаго патріарха и граматы Досиѳея къ царямъ, п. Іоакиму, малороссійскому духовенству и народу напечатаны въ пятомъ томѣ Архива Юго-зап. Россіи. См. греч. дѣла 7195 г. № 3.

услуги нашимъ посламъ, или послать съ ними въ Москву граматы. Кромѣ того въ это время случилось еще одно обстоятельство, изъ котораго подозрительный Досиѳея убѣдился, что честолюбивый московскій патріархъ подчиненіемъ себѣ кievской митрополіи не удовлетворился, а идетъ по этому пути далѣе, стремится подчинить своей власти уже область подлежащую вѣдѣнію самаго іерусалимскаго патріарха. Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ.

Въ Сентябрѣ 1682 года въ Москву прибылъ синайскій архіепископъ Ананія, присутствовавшій на московскомъ соборѣ 1667 года. Жалуясь на крайне бѣдственное положеніе синайской обители и испрашивая помощи, Ананія молилъ государей: „пожалуйте излейте на насъ милосердіе, благоволите нашу святую обитель взять въ свое государское попеченіе, и не дайте той святой и православной обители отъ скудости прійти въ римскія руки, потому если мы, государи, отъ великіе скудости то святое мѣсто оставимъ, то римляне всячески о томъ потщатся, чтобъ имъ тѣмъ святымъ мѣстомъ завладѣть, и буде вашей царской милости не будетъ—не изволите святыхъ нашей обители взять въ ваше попеченіе, то конечно папа римскій потщится тѣмъ мѣстомъ завладѣть“. Государи дали милостыню Ананіи, но о взятіи монастыря на особое государское попеченіе отвѣта отъ нихъ не послѣдовало. Тогда Ананія подалъ государямъ новую челобитную, въ которой просилъ, ради царскаго здравія и поминовенія ихъ родителей „не оставитъ во дни свои царскую ихъ богозданную обитель и не дать ей впасть въ руки еретиковъ на поруганіе православнымъ, ибо сіи святыхъ мѣста, многіе западные государи желаютъ присвоить себѣ и назвать своимъ моленіемъ, и, еслибы возможно было, и съ великими даяніями, не потому,

чтобы у нихъ не было своихъ обителей и церквей, но потому, что сія гора называется богоходною многихъ ради бывшихъ и бывающихъ на ней отъ Бога пророками и святыми его страшныхъ безчисленныхъ чудесъ, и во истину и нынѣ благодать Божія живетъ въ ней. Примите, государи, ту обитель въ свое царское попеченіе, какъ новые строители, вмѣсто первостроителя Юстиніана царя благочестиваго, дабы вашимъ царскимъ призрѣніемъ и помощію могла та святая обитель съ прочими святыми мѣстами держаться за православными христіанами, ибо такая царская обитель только и можетъ держаться царскимъ вспоможеніемъ“. Но на этотъ разъ домогательства синаитовъ не имѣли успѣха. Тогда въ 1687 году въ Москву прибылъ синайскій архимандритъ Кирилль съ особыми полномочіями отъ синайскаго архіепископа Іоанникія и всѣхъ синайскихъ иноковъ. Въ соборной грамотѣ, привезенной архимандритомъ и подписанной архіепископомъ Іоанникіемъ и 72 синайскими иноками говорилось: „вся братія отъ первыхъ даже до послѣднихъ приходитъ къ высокому маестату христіаннѣйшему и православнѣйшему пресвѣтлыя державы царствія вашего, и много иже во смиреніи поклоненіе сотворяемъ и припадаемъ до лица земли съ плачемъ, и многими слезами челомъ бьемъ, и приносимъ и отдаемъ ту знаменитую и убогую обитель горы синайскія вамъ, великимъ государемъ и великодержавнымъ и пресвѣтлымъ монархомъ, да будете великіе государи тому святому и богопроходному мѣсту строители и обладатели, яко новіи и блаженніи вмѣсто царя Юстиніана ктитору“. Далѣе архіепископъ пишетъ: „пришлите отъ себя иноковъ (разумѣется русскихъ) въ святую обитель, да будутъ они молиться вмѣстѣ съ нами за васъ, а другіе опять придутъ къ намъ и лучше из-

вѣстятъ то, что видѣли сами въ нашей пустынѣ, каково наше житіе—зло или добро... Не отриньте нашего моленія и посланныхъ нашихъ, примите обитель подъ державу своего царствія и имѣйте къ ней ревность, ибо мы не имѣемъ гдѣ главы подклонить, да не опустѣетъ сіе поклоненіе всѣхъ православныхъ христіанъ“. На этотъ разъ домогательства синаитовъ имѣли успѣхъ. Отъ государей велѣно было изготовить грамоту къ синайскому архіепископу съ извѣщеніемъ, что они, по челобитью его, синайскую гору въ призрѣніе свое принять изволили, изъ русскихъ монастырей монаховъ по два человѣка послать туда указали, жалованья имъ посылается на 150 р. соболями, да еще 100 золотыхъ червонныхъ, да сверхъ того велѣно было устроить серебряную раку для мощей великомученицы Екатерины и наконецъ, особою жалованною грамотою, синаитамъ дозволялось пріѣзжать въ Москву за милостынею чрезъ каждые два года.—Такимъ образомъ Синай въ 1687 году былъ принятъ подъ особое русское покровительство и долженъ былъ сдѣлаться съ этого времени русскимъ царскимъ монастыремъ, отчасти заселеннымъ присылаемыми въ него русскими монахами. Понятно, какое непріятное впечатлѣніе все это дѣло должно было произвести на Досиѣея, который естественно увидѣлъ въ этомъ новый незаконный захватъ со стороны властолюбиваго московскаго патріарха. Въ грамотѣ уже не къ Іоакиму, а его преемнику Адріану онъ пишетъ: „синаиты отверзаютъ монастырь свой пять мѣсяцевъ и заключаютъ его пять лѣтъ, и всегда живутъ въ Египтѣ и наслаждаются благами его; потомъ же неимѣющіе попеченія ни о какой вещи святая церкви, ниже кто отъ нихъ злостраждетъ, но о единомъ токмо пекутся, во ежебы собрати имѣнія, каковымъ либо образомъ могутъ“. Далѣе Досиѣей

свидѣтельствуеть, что синаиты отдавали свой монастырь самому папѣ, и если сначала Ананія, а потомъ „злѣжительный и скаредожительный“ архимандритъ Кирилль представилъ писанія, „яко поддаетъ монастырь свой Москвѣ,—вещь беззаконна и посмѣянна: беззаконна убо, яко подлежащее другому патріаршескому престолу отъ времени третіею синода, како подлежати будетъ иному безъ изреченія вселенскому собору? Посмѣянна же двухъ ради нѣкіихъ (причинъ): первое яко како можетъ московскій патріархъ правити Синайскую гору? Второе, яко монастыри всего міра поминають православныхъ патріарховъ и начальниковъ православныхъ и по образу сему вся суть всѣмъ поддана, и како тѣи тое, еже есть сущее, глаголють, яко будетъ сущее? Третіе, яко тѣи ищутъ языческими внѣшними властью, да будутъ самоглавами церкви и како покарятся вамъ? Тѣмъ же явно есть, яко лгутъ, токмо да соберутъ сребро“. Въ заключеніе Досиѣей пишетъ Адриану: „егда прійдутъ къ вамъ отцы синаитяне, и въ грамотахъ ихъ наречется архіепископъ синайскій, или въ писаніихъ своихъ подписуетъ титло, или въ великихъ или въ малыхъ нѣкіихъ писаніихъ, то да раздраете и отцы да изгоняете со срамомъ и стыдомъ, яко преступники божественныхъ каноновъ и наипаче, яко нечестивѣйшія, понеже презирають обычай и изрѣченіе церкви“. Досиѣей однако волновался совершенно напрасно, такъ какъ въ Москвѣ вовсе и не думали покушаться на его верховныя права надъ Синаемъ и подчинять послѣдній власти московскаго патріарха¹.

¹ Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью: Русская благотворительность Синайской обители въ XVI—XVIII столѣтіяхъ (Чтен. общ. люб. духовн. просв. 1881 г. окт.—ноябрь).

VI

Сношенія патріарха Досиѣя съ русскимъ правительствомъ при Петрѣ Великомъ.

Съ 1690 года положеніе дѣлъ въ Москвѣ сильно измѣнилось. Царевна Софья была окончательно устранена отъ управленія государствомъ и власть перешла въ руки Петра, который и сталъ теперь управлять единолично (больной царь Іоаннъ не имѣлъ никакого значенія). И на московской патріаршей кафедрѣ произошла также въ это время перемѣна: патріархъ Іоакимъ не особенно, какъ мы видѣли, пріятный Досиѣю, умеръ и его преемникомъ сдѣлался Адрианъ, съ которымъ Досиѣей вошелъ въ добрыя и частыя сношенія. Съ другой стороны и въ положеніи Досиѣя или, точнѣе, въ положеніи св. мѣстъ въ Іерусалимѣ произошли такія важныя и печальныя для православныхъ перемѣны, которыя заставили Досиѣя съ 1690 года усиленно искать защиты и покровительства у московскаго правительства, и ради этого войти съ нимъ въ еще болѣе близкія и частыя сношенія, на сколько это было возможно при тогдашнихъ враждебныхъ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, начавшихся еще съ 1686 года.

Какъ мы уже не разъ выше говорили, въ Іерусалимѣ постоянно велась упорная борьба между греками, латинянами и армянами изъ-за обладанія святыми мѣ-